

Ирина Борисовна Берго
**ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ
ПАРЛАМЕНТОВ и АБСОЛЮТИЗМА
в ПАМФЛЕТНОЙ ВОЙНЕ ВОКРУГ
СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ МОПУ (1770-1774)**

Французский ежегодник 1984

М.: Наука. 1986. С.72-87

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

В политической истории Франции последних десятилетий «старого порядка» одним из важных этапов является начало 70-х годов XVIII в.— период, отмеченный острым политическим кризисом. Он был вызван попыткой абсолютизма навсегда покончить с оппозицией парламентов — высших судебных палат дореволюционной Франции, обладавших также рядом законодательных и административных функций. Наиболее важной из них была регистрация парламентами всех издававшихся королевской властью законодательных актов, которые приобретали юридическую силу только после этой процедуры. Парламенты имели право в случае несогласия с законодательными действиями монарха подавать ему официальные письменные документы (ремонстрации), оспаривавшие те или иные положения королевских указов и содержавшие предложения по изменению формы, а иногда и содержания последних. В 1770—1774 гг. по инициативе канцлера Мопу была проведена судебная реформа, решающим образом изменявшая облик этих корпораций, лишавшая их политического веса и ломавшая тем самым стержень парламентской оппозиции.

Реформа Мопу вызвала настоящую памфлетную войну — подобной Франция не знала со времен Фронды и знаменитых мазаринад. Это была, пожалуй, единственная во Франции «старого порядка» «война пера», в которой с одинаковой активностью участвовали и оппозиция и правительство, старавшееся, как правило, не выносить основополагающих вопросов своей политики на суд общественного мнения.

Реформа Мопу и вызванный ею политический кризис стали одним из наиболее ярких проявлений давнего противоборства королевской власти и парламентов, в котором с середины XVIII столетия наступает качественно новый этап. К тому времени французский абсолютизм, находившийся уже в состоянии упадка и общего кризиса, тормозил дальнейшее развитие страны. Парламенты, прочно занявшие положение лидера всего дворянского сословия, становятся в прямую политическую оппозицию абсолютистскому режиму. Политическая борьба вокруг реформы имела ярко выраженный идеологический аспект, проявлением которого и стала памфлетная война. Это идейно-политическое столкновение вписывается в имевшее к тому времени многолетнюю историю противостояние абсолютистской и антиабсолютистской доктрин. К середине XVIII в. большинство течений антиабсолютистской идеологии суммируется в политической концепции парламентов, что и составляет главную черту нового этапа упомянутого противостояния. Другой его характерный признак заключается в том, что на идеологическую борьбу начинает оказывать заметное влияние комплекс идей французского Просвещения, зародившегося несколькими десятилетиями ранее.

Тот факт, что в публицистике периода памфлетной войны не только дается конкретная оценка реформы, но и дискутируются такие фундаментальные проблемы, как права и prerogatives короля и парламентов, харак-

тер государственного устройства, права и свободы нации, позволяет выявить идеологический аспект политического конфликта, дать аргументированную оценку идейно политического содержания и социальной сущности программ правительственного и парламентского лагерей. Исследуемый источник — памфлетная литература по своей специфике предполагает значительную свободу высказывания и потому позволяет проанализировать позиции обоих лагерей с точки зрения используемой ими системы аргументации, выявить теоретические основы социально политического мышления представителей конфликтующих сторон.

Исчерпывающий перечень публицистической литературы, появившейся в годы реформы, до сих пор не составлен. Правда, в Парижской национальной библиотеке существует достаточно полная подборка этих произведений, и по библиографическому указателю можно судить если не об общем их числе, то по крайней мере о динамике их появления. Большинство сохранившихся в библиотеке памфлетов относится к 1770—1771 гг., когда происходили основные события, связанные с реформой. В эти годы обеими сторонами было опубликовано 250 памфлетов. В дальнейшем их число сокращается, до 29 в 1772 г. и до 3 в 1773 г.¹ В 1774 г. в полемике наступает некоторое оживление в связи с отменой реформы и восстановлением парламентов.

В ходе памфлетной войны все произведения выходили сначала отдельными изданиями, а затем включались в многотомные сборники, которые каждая из противоборствующих сторон неоднократно выпускала. В библиотеках Советского Союза по большей части представлены разрозненные тома этих сборников. Случается, что под одним и тем же названием и полностью совпадающими выходными данными оказываются тома, не имеющие по содержанию ничего общего.² В целом весьма значительный корпус публицистической литературы этого периода, содержащийся в обследованных фондах библиотек Москвы и Ленинграда, включает в себя все основные типы памфлетов и является достаточно представительным для научного анализа памфлетной войны. В общей сложности нами изучено более 150 памфлетов. Из них примерно половина написана публицистами правительственного лагеря, а половина — представителями оппозиции.

За редчайшим исключением, памфлеты обеих сторон выходили анонимно. В лучшем случае указывались место или год издания. Однако по косвенным данным, содержащимся в ряде памфлетов, по переписке и мемуарам современников, наконец, по известному справочнику Барбье³ значительная часть публикаций может быть персонифицирована. Почти полностью определен круг проправительственных публицистов. В качестве таковых выступают личные секретари Мопу Лемерсье и Лебрен (будущий член Учредительного собрания и третий консул Французской Республики, в свое время долго живший в Англии и предложивший еще в конце 60-х годов обширный план реформ), тесно связанные с правительственными кругами адвокаты Моро и Сентен-Ле-Блан, талантливый публицист и блестящий адвокат Ленге, государственный советник и бывший первый президент Тулузского парламента Бастар, советник нового Парижского парламента аббат Мари, один из членов королевской администрации Ле Турнер, маркиз Де Виллетт, аббат Буке. Около десяти проправительственных памфлетов с большей или меньшей степенью уверенности приписываются Вольтеру.

Определение авторства пропарламентской публицистики является гораздо более сложной задачей. Ее удалось решить в отношении приблизительно одной трети памфлетов. Среди их авторов не только многочисленные представители «маинти» — адвокаты де Бомон, Ле Пэж, Моризо,

¹ Catalogue de l'histoire de France. P. 1854 t. 2, p. 430—445.

² Во избежание путаницы при цитировании в подобных случаях указывается название библиотеки и шифр под которым произведение проходит по каталогу, и, поскольку нумерация страниц в сборниках не всегда сохранена, приводится порядковый номер документа в сборнике.

³ Barbier A. Dictionnaire des ouvrages anonymes. P., 1964. T. 1—4.

Блонд, Тарже (будущий активный деятель Учредительного собрания), Муффиль д'Анжервилль, Кокеро, советник Счетной палаты Клемен де Буасси, члены низших судебных инстанций Парижа (Шатле) и провинции (Божоле), но и откупщик Ожар, литературный деятель и королевский цензор Пиданса де Мэробер, принцы крови, представители знати и родо-витого, в том числе военного, дворянства, провинциальные дворяне (из Нормандии, Бретани, Лангедока). Даже по этому далеко не полному перечню видно, что оппозицию составляли представители разнородных социальных слоев, правда, в большинстве своем дворянского происхождения.

Хотя реформа Мопу и политический кризис 1770—1774 гг. довольно широко освещались в зарубежной (французской, английской, американской, итальянской) историографии, но памфлетам этого периода не было посвящено ни одного специального фундаментального исследования.

В конце прошлого столетия французский историк Ф. Рокэн, придерживавшийся умеренно консервативных взглядов, уделил несколько страниц в своей книге⁴ описанию памфлетной войны начала 70-х годов, обратив внимание на то, где печатались памфлеты, кем и как распространялись, какие меры принимались правительством для поиска и ареста книжных торговцев и разносчиков.

Впервые попытка анализа публицистики обоих лагерей была сделана в хорошо фундированной работе Ж. Эгре, одного из ведущих современных специалистов по истории французских парламентов предреволюционных десятилетий. Эгре дает краткий перечень основных положений обеих сторон, высказывает ряд соображений о времени издания некоторых памфлетов, об их авторах⁵. Оценка Эгре публицистической литературы подчинена его общей концепции парламентской оппозиции. Парламенты, по его мнению, пользовались поддержкой широких общественных слоев, защищали не только свои узкокорпоративные, но и всеобщие интересы, были «представителями нации, хотя и без мандатов».

Статья американского историка Д. Хадсона «В защиту реформы: пропаганда французского правительства во время кризиса Мопу»⁶ органически вписывается (может быть, и помимо желаний автора) в не прекращающиеся в западной историографии споры о Великой французской революции и «старом порядке». Избегая жестких формулировок, он тем не менее всей логикой изложения подводит к выводу о возможности самореформирования абсолютистской монархии при условии разрешения конфликта с парламентской оппозицией в ее пользу. Хадсон строит свою работу на анализе большого числа памфлетов обеих сторон. Обращая основное внимание на разбор историко-традиционалистских аргументов, трактовку «фундаментальных законов», споров по поводу целесообразности реформы с точки зрения эффективности нового судебного механизма, он приходит к выводу, что чисто логически доводы правительственного лагеря были относительно более обоснованными, более соответствовали реальному содержанию исторических прецедентов, чем доводы оппозиции. Правительство в конечном счете вышло победителем в памфлетной войне, считает Хадсон. При подобной интерпретации событий остается совершенно непонятным, почему все-таки реформа была отменена. Не случайно о причинах восстановления парламентов после смерти Людовика XV в статье не говорится ни слова. Вне поля зрения автора остаются многие серьезные аспекты дискуссии, споры о власти, о представительных учреждениях, о правах и свободах нации. Не затрагивает он и проблем влияния Просвещения на идеологические установки борющихся лагерей. Хадсон рассматривает памфлетную войну как изолированный феномен, без учета событий предшествующего и особенно последующего периодов. Реформа Мопу

⁴ См.: Рокэн Ф. Движение общественной мысли во Франции в XVIII веке (1715—1789). СПб., 1902, с. 312—318.

⁵ Egret J. Louis XV et l'opposition parlementaire 1715—1774. P., 1970, p. 209—221.

⁶ Hudson D. In defense of reform: French Government Propaganda during the Maupeou Crisis.— French Historical Studies, 1973, vol. 7, N 1, p. 51—76.

трактуются им как политико-административное и судебное мероприятие, никак не связанное со сложным переплетением общественных противоречий того времени.

* * *

В 1774 г. завершилось почти 60-летнее царствование Людовика XV. Ему наследовал Людовик XVI, 19 лет спустя окончивший свои дни на эшафоте. Эта смена монархов символизирует важную веху в истории Франции «старого порядка». По мнению А. Собуля, именно от 1770—1774 гг. как в экономическом, так и в идеологическом плане тянется прямая линия к Великой французской революции⁷. Признаки упадка, более полувека скрытые за внешне благополучным фасадом феодально-абсолютистского строя, в этот период проявились во всей полноте, породив острый политический кризис. То обстоятельство, что кризис был вызван судебной реформой, неудивительно, ибо целью предпринятой канцлером Мопу атаки на парламенты было не только и не столько улучшение системы судопроизводства, сколько устранение влиятельного политического противника абсолютизма.

С середины XVIII в. парламенты постепенно превращаются в главный фактор политической нестабильности режима, в реальную политическую силу, пользующуюся широкой популярностью и поддержкой. Таким образом, реформа Мопу — закономерное звено в длительном политическом споре. На первом ее этапе правительство попыталось подавить парламентскую оппозицию традиционными методами. В начале декабря 1770 г. в Парижский парламент был направлен специальный «дисциплинарный эдикт». В преамбуле парламент обвинялся в распространении «новых опасных идей». Особое недовольство королевской власти вызывали растущая солидарность парламентов страны и обосновывавшая ее доктрина «единого и неделимого парламента», рост их политических претензий и покушение на единоличную законодательную власть короля, стремление магистратов⁸ выступать от имени нации и противопоставлять ее монарху. «Мы должны... задушить эти опасные новшества в зародыше», — говорилось в документе⁹.

Все три статьи эдикта имели отчетливо выраженную политическую окраску. В первой парламентам запрещалось использовать термины «единство», «неделимость», «класс» для обозначения своей общности, поддерживать контакты между собой и обсуждать на своих заседаниях ремонстрации других палат. Статья вторая запрещала магистратам прерывать судопроизводство и коллективно уходить в отставку. Последняя статья подтверждала их право ремонстраций, но оговаривала, что после регистрации любого правительственного акта им не разрешается препятствовать его исполнению.

Эдикт вызвал решительное сопротивление магистратов. 10 декабря столичный парламент прекратил работу, и ничто не могло принудить его к повиновению. В этих условиях власти пошли на радикальное преобразование всей парламентской системы. «Бастующие» магистраты Парижского парламента подверглись высылке в отдаленные районы страны. Должности их были конфискованы. 23 февраля 1771 г. было объявлено о создании Высших советов на территории, находившейся прежде под юрисдикцией столичного парламента, — в Аррасе, Блуа, Шалоне, Клермон-Ферране, Лионе и Пуатье¹⁰. Эти советы являлись в своих зонах высшей кассационной инстанцией, но регистрировать эдикты и подавать ремонстрации, как это делал прежний парламент, они не могли.

⁷ Aujord'hui, l'histoire. P., 1974, p. 262.

⁸ Термин «магистраты» во Франции XVIII в. употреблялся исключительно для обозначения членов высших судебных палат. Именно в этом значении он используется в современной зарубежной и советской литературе, посвященной различным сюжетам из истории дореволюционной Франции.

⁹ Isambert. Recueil général des anciennes lois françaises. P., 1830, t. 22, p. 506.

¹⁰ Ibid., p. 512—513.

Одновременно была произведена и перестройка Парижского парламента, а территория, подлежащая его ведению, сильно урезана¹¹. В нем, как и во вновь созданных советах, была отменена система продажи должностей и традиционных узаконенных взяток. Судопроизводство провозглашалось бесплатным, новые судьи должны были получать от государства фиксированное жалование. Назначение на все парламентские посты производилось теперь не самим парламентом, а правительством. Все эти нововведения ставили новые органы под прямой контроль королевской администрации, практически лишив их возможности противодействовать правительственной политике.

Начиная со второй половины 1771 г. аналогичные меры были приняты в отношении провинциальных парламентов, причем наиболее глубоким преобразованиям подверглись те из них, которые в предшествующие годы проявляли особую активность в выдвигании политических требований. К примеру, парламент Руана, наиболее решительно настроенный, был распущен целиком, а его полномочия поделены между двумя вновь созданными советами.

После смерти Людовика XV оппозиция, затихнувшая в последние годы его правления, вновь оживилась. Его преемник оказался вынужденным возратить парламентам их прежний статус, вернуть и восстановить в должности ссыльных магистратов.

Реформа Мопу не была осуществлением какой-то конкретной программы. Преобразования не носили глобального характера и коснулись лишь верхних ступеней судопроизводства. Провозглашение бесплатности правосудия, расширение территориальной сети высших судебных палат, отмена архаичной системы продажи должностей — все это были мероприятия, выдержанные в духе рационализации судебной системы. Но введение принципа назначения на судебные посты сверху, зависимость новых судебных учреждений от королевской власти не соответствовали тем требованиям реформы правосудия, которые были уже выработаны к тому времени передовой общественной мыслью.

Судебно-юридический аспект реформы Мопу вызвал ожесточенную полемику, завязавшуюся сразу после осуществления первых правительственных мероприятий. Именно этот сюжет послужил основой и тем стержнем, вокруг которого разразились политические споры и теоретические дискуссии.

Выступившие на стороне правительства авторы ставили в заслугу канцлеру отмену продажи должностей и провозглашение бесплатности судопроизводства, сокращение территориальной компетенции Парижского парламента. Вольтер, воздерживавшийся от прямой оценки политического аспекта событий, подчеркивал прогрессивность реформы с точки зрения улучшения судебно-юридической системы, усматривал в ней «прекрасную зарю», начало принципиально иной государственной политики¹².

Большинство оппозиционных авторов отрицали законность и необходимость как всей судебной реформы в целом, так и отдельных ее мероприятий. Лишь в очень немногих памфлетах признавались нововведения, но высказывалось мнение, что имевшиеся недостатки судебной системы могли бы быть исправлены иным, «законным» путем — при сохранении старого парламента¹³.

Все основные достижения судебной реформы оппозиционным публицистам казались иллюзорными. Отмена продажи должностей либо открыто осуждалась ими, либо трактовалась как бессмысленный акт — ведь

¹¹ Подробнее о судебном аспекте реформы Мопу см. *Villers R. L'organisation du Parlement de Paris et des Conseils supérieurs d'après la réforme de Maupeou (1771—1774)*. P., 1937

¹² *Voltaire Réponse aux remontrances de la Cour des Aides, par un membre des nouveaux Conseils souverains — Oeuvres complètes/Publ. par L. Moland Vol. 1—52 P. 1878—1883, t. 28, p. 385—388*

¹³ *Lettres d'un homme à un autre homme sur les affaires du temps — Affaires des parlements français (1770—1772)*. S. 1, s. a., t. 2, N 2, p. 22 (Далее: *Affaires*).

строгий отбор в парламенты якобы существовал и прежде: «Разве принятию в магистратуру не предшествовали занятия и экзамены? Разве новые судьи не получали свое образование под неусынным вниманием старых?»¹⁴ Иллюзией представлялось и введение бесплатного судопроизводства. Взятки все равно сохраняются в скрытой форме, но будут иметь «незаконный» характер. А расходы на судопроизводство, по их мнению, в результате реформы не только не уменьшились, но и значительно выросли¹⁵.

Резкой критике подвергались Высшие советы и новые парламенты. Их создание якобы ничуть не улучшало положения народа, которому намного проще и дешевле ехать по хорошим дорогам в столицу, чем тащиться по проселку в местные суды¹⁶. Особенно досталось тем, кто решился принять назначение Мопу и войти во вновь созданные органы. Помимо того что оппозиционные авторы награждали их всеми мыслимыми и немыслимыми пороками, они подчеркивали их некомпетентность и профессиональную непригодность, «рабский дух» и зависимость от трона, а также тот факт, что большинство из них было набрано среди «низкого сброда» (*vile populace*)¹⁷.

Дискуссия вокруг судебного аспекта реформы составляет лишь малую часть развернувшейся вокруг нее полемики. Обсуждение политических вопросов занимает значительно больше места и является, по сути дела, главным ее предметом.

В основе конституционного конфликта, вызванного реформой Мопу, лежит спор о прерогативах. При этом каждая сторона дает свое истолкование комплекса прерогатив, принадлежащих королю и парламентам. С точки зрения проправительственных публицистов, власть монарха является абсолютной. Король — единственный носитель суверенитета, ему безраздельно принадлежит законодательная, исполнительная и судебная власть. Парламенты трактуются как чисто судебные органы, которым король лишь делегировал (*délégué*) часть своих полномочий в юридической области, но в любой момент может забрать их обратно. Отсюда практика специальных «королевских заседаний» (*Lit de justice*), на которых присутствие монарха лишало законной силы любые возражения магистратов, — фактически это было не оформленное законодательно право вето. Признавая, таким образом, за парламентами лишь ограниченную судебную прерогативу, защитники реформы настаивают на строгой дифференциации судебной и законодательной власти. Иногда они даже обращаются к авторитету Монтескье, используя его теорию разделения властей для доказательства неправомочности сосредоточения законодательных и судебных прерогатив в одном и том же органе¹⁸.

Пропарламентские публицисты же оспаривают положение о принадлежности всей полноты верховной власти монарху. Королю предоставляется в полном объеме лишь исполнительная власть. Законодательная и судебная власть, в трактовке противников реформы практически слитые воедино, не принадлежат монарху бесконтрольно, а ограничиваются существованием парламентских прерогатив, содержание которых публицисты этого лагеря понимают по-разному. Подавляющее большинство авторов признают, хотя бы на словах, решающую роль монарха в создании законов, но утверждают, что и парламенты «определенным образом участвуют

¹⁴ Le maire du Palais — Affaires, t 2, N 4, p 65.

¹⁵ Parallele de l'ancienne et de la nouvelle taxe des frais de Justice — Les efforts de la liberté et du patriotisme contre le despotisme du Sr de Maupeou, Chancelier de France L, 1773, t 4, p 97—101 (Гос б-ка им В. И. Ленина, ГБЛ Далее Les efforts).

¹⁶ Le maire du Palais — Affaires, t. 2, N 4, p. 68.

¹⁷ Maupeouana, ou Correspondance secrète et familière du Chancelier Maupeou avec son coeur Sorhouet S 1, 1773, pt 4, p 9 (Музей книги)

¹⁸ Lettre de M de C** à M de St*** à Rouen P 1771, p 42, Réflexions d'un citoyen sur l'état de décembre 1770 — Recueil de toutes les pièces intéressantes publiées en France, relativement aux troubles des Parlements Bruxelles, 1771, t 2, p 264 (Далее. Recueil de toutes les pieces)

в законодательной власти»¹⁹ Они свободно обсуждают все законодательные акты правительства и затем, соотнеся их с традиционными «фундаментальными законами», либо принимают их в первоначальном виде, либо вносят в текст документов необходимые изменения, либо отказываются их зарегистрировать. Объявляя парламенты «хранителями законов» и особыми «промежуточными властями», отводя им решающую роль в деле ограничения королевского единовластия, противники реформы нередко ссылаются на Монтескье и его теорию «посредствующих властей»²⁰ При этом они активно защищают принцип «несменяемости должностей» Теорию делегирования полномочий в юридической области магистраты в принципе признают, но трактуют ее очень выгодным для себя образом: несогласие парламентов с королевскими действиями изображается как «справедливая и легальная воля монарха, которая восстает против его же деспотических прихотей»²¹ Чисто политические прерогативы парламентов выводятся, таким образом, из их юридических полномочий

В очень немногочисленной группе памфлетов комплекс политических прав парламентов очерчивается несколько иначе Гораздо более последовательно решается вопрос о законодательных прерогативах этих корпорации, которые рисуются как полноправные участники процесса создания законов. Утверждается, что магистраты располагают всеи полнотою законодательной власти, однако вопрос о законодательной прерогативе монарха, о соотношении полномочий короля и парламентов в этой области практически обходится²².

С представлением о прерогативах короля и парламентов связаны различные трактовки публицистами противоборствующих лагерей системы государственного устройства Все авторы в один голос признают, что Франция является монархией, и на словах осуждают деспотию, но ответы на вопрос о сущности этой монархии отличаются значительным разнообразием

Рассмотрим прежде всего позицию публицистов правительственного лагеря Лишь очень немногие из них в незавуалированной форме утверждают, что король является «полновластным хозяином» в своем королевстве и любое проявление его воли равносильно закону. Одним из наиболее характерных примеров подобного подхода можно считать «Размышления парикмахера о делах государства», где в резких и оскорбительных для магистратов выражениях отношения короля и парламентов приравниваются к отношениям хозяина-парикмахера с его подмастерьями и слугами, причем власть и того и другого рисуется неограниченной²³ Современники (как сторонники, так и противники реформы) единодушно отмечали непопулярность этого памфлета.

Встречается, правда, ряд произведений, хотя их число и невелико, написанных «более достойным» языком, но отстаивающих сходные взгляды Так, например, в памфлете «Безумие многих людей» утверждается: «Пусть уже лучше у Франции будет один полновластный хозяин, чем две тысячи магистратов-тиранов»²⁴. Другой автор высказывает мысль, что в стране, где существует абсолютная власть монарха, «было бы слишком абсурдно предполагать свободу оппозиции и какое бы то ни было право на сопротивление королю»²⁵. Публицисты, дабы не показаться приверженцами тиранического строя, зачастую указывают, что «верховная власть монарха не должна быть произволом и, будучи неделимой, не может тем не

¹⁹ Lettre de Monsieur***, conseiller au Parlement, à M le Comte de*** — Affaires, t 1, N 13, p 10

²⁰ Reflexions, succinctes sur ce qui s'est passé au Parlement de Paris depuis de mois de decembre, 1770 — Affaires, t 1, N 2, p 4

²¹ Observations sur les discours du Chancelier — Affaires, t 1, N 5, p 13

²² Tableau des différents âges de la Monarchie Francaise — Les efforts L, 1772, t 2, p 78 (Бка ИНИОН АН СССР, JC 179)

²³ Reflexions d'un maître perruquier sur les affaires de l'Etat — Affaires, t 4, N 16

²⁴ La folie de bien des gens — Recueil de toutes les pieces, t 2, p 40

²⁵ Observations sur l'écrit intitulé «Protestation des Princes» — Recueil de toutes les pieces, t 2, p 299

менее вырождаться в деспотическую»²⁶. Но ограничения, налагаемые на монарха, носят в этих памфлетах скорее морально-нравственный характер: король сам не должен допускать, чтобы в его государстве установился строй, подобный восточной деспотии.

Большинство проправительственных публицистов занимают более гибкую позицию. Признавая, что существуют особые «фундаментальные законы», отменить которые король не вправе, они отводят парламенту роль их хранителя²⁷. Однако претензии парламента на контроль и изменение вообще всех законов подвергаются резко осуждению, ибо это изменяет природу монархии, превращая ее в аристократию, анархию или ту же деспотию, где в роли деспотов выступают сами магистраты²⁸. Парламенты якобы неправильно трактуют Монтескье. у знаменитого философа речь идет о «зависимых и подчиненных» учреждениях, а магистраты «мнят себя независимыми»; Монтескье считал важнейшими «посредствующими властями» духовенство и дворянство, а парламенты целиком отводят себе эти функции²⁹. Подчеркивая необходимость сохранения полной и неделимой верховной власти монарха, эта группа памфлетистов тем не менее признает необходимость некоторых гарантий в форме традиций и привилегий, которые служат преградой «произволу и деспотизму».

Об ограничении власти французского монарха «фундаментальными законами» говорит и подавляющее большинство пропарламентских публицистов, но в совершенно ином контексте. О различии трактовок самих «фундаментальных законов» представителями противоборствующих сторон речь пойдет ниже, здесь же отметим, что в произведениях оппозиционного лагеря упор делается именно на необходимость реального ограничения королевского единовластия. При этом часть этих памфлетистов важнейшими из «оплотов свободы» считают привилегии дворянства и духовенства, периодический съезд Генеральных штатов³⁰. Встречаются памфлеты, трактующие как главный «барьер деспотическому правлению»³¹ провинциальные вольности и свободы.

И все же среди публицистов оппозиционного лагеря, отстаивающих сохранение различных привилегий, численно преобладают те, кто именно в парламентах видит главную преграду «произволу». Автор одной из таких брошюр определяет три признака монархии: «фундаментальные законы», посредствующие власти и те институты, которые эти законы хранят³². Ссылаясь при этом на Монтескье, он корректирует его теорию и, объединяя второй и третий признаки, отводит парламентам роль как «хранителя законов», так и «посредствующей власти». Двумя публицистами этого лагеря была предпринята попытка обоснования парламентского статуса ссылками на высказывания и политику некоторых «просвещенных монархов» — Екатерины II, Марии-Терезии, Фридриха II³³. Подробным образом комментировался, в частности, «Наказ» Комиссии по составлению «Уложения» российской самодержавия, в котором действительно можно было усмотреть отдельные словесные аналогии со взятой на вооружение магистратами теорией «посредствующих властей».

Наконец, отчетливо выделяется еще одна группа пропарламентских брошюр — это сочинения, в которых парламент рисуется как орган и

²⁶ Tres humbles et très-respectueuses remontrances d'un citoyen aux parlements de France. S. 1, 1771, p. 7

²⁷ Lettres provinciales. La Haye, 1772, p. 107

²⁸ Extrait d'une lettre, en date de Londres; Réflexions d'un citoyen sur l'édit de décembre — Recueil de toutes les pièces, t. 2, p. 53, 268

²⁹ Raisons pour désirer une réforme dans l'administration de la Justice; Lettre du public à M-s les ci-devant officiers du Parlement de Paris — Recueil de toutes les pièces, t. 2, p. 20, 58

³⁰ Principes de la législation française S. 1., 1771

³¹ Manifeste aux Normands, Essai historique sur les droits de la Province de Normandie, Manifeste aux Bretons — Les efforts L., 1773, t. 5 (ГБЛ)

³² Réflexions, succinctes — Affaires, t. 1, N 2, p. 4

³³ Le Parlement justifié par l'impératrice de Russie — Les efforts L., 1775, t. 1, p. 84—130 (ИМЛ), Le Parlement justifié par l'impératrice reine de Hongrie, par le Roi de Prusse, et par le Roi de Sardaigne. — Les efforts, t. 4, p. 46—97 (ГБЛ).

представитель «нации» и именно в этом качестве является противовесом монарху. «Где мы возьмем теперь национальный орган, который защищал бы нас от министерских злоупотреблений и почтительно указывал бы королю, что он правит гражданами, а не рабами?»³⁴ Парламент ограничивает законодательную власть короля, поскольку представляет «неотъемлемые права нации»³⁵. Магистраты, приобретшие свои должности за деньги, замалчивали здесь вопрос о происхождении парламентов, но в самой трактовке их как «органа и представителя нации» чувствуется ориентация на английский парламент, хотя и не признаваемая публицистами этого лагеря открыто³⁶. Сторонники канцлера быстро заметили эту тенденцию и не раз приписывали магистратам желание «переместить Лондон в Париж»³⁷.

Конечно, далеко не во всех памфлетах какая-либо из перечисленных точек зрения отражена в чистом виде. Очень часты случаи, когда в одном памфлете, а иногда и в одном предложении соседствуют противоречивые положения. Нередко, например, парламенту отводится роль как «представителя нации», так и «хранителя фундаментальных законов». В другом месте права нации практически отождествляются с привилегиями провинции. Такое своеобразное смещение понятий и точек зрения можно объяснить, во-первых, эклектичностью социально-политического мышления многих публицистов, а во-вторых, чисто пропагандистскими мотивами, попыткой использовать различные доводы, чтобы заполучить возможно большее число приверженцев.

Проблема нации, ее прав и свобод является особым сюжетом политической полемики. Инициаторами дискуссии вокруг этой проблемы были пропарламентские публицисты. Они рассматривали ее намного шире и подробнее своих оппонентов, точка зрения которых, близкая к тому представлению о «нации», что существовало еще в XVII в., сводится к ряду довольно простых тезисов. Нация, полагают защитники реформы, — это все французы, т. е. все подданные французского короля, который является ее «воплощением и единственным представителем»³⁸, средоточием и защитником ее прав и свобод. Другими словами, король и нация представляют собой неразрывные, более того, тождественные величины. В проправительственной публицистике, таким образом, понятие «нация» практически не обретает независимого звучания, не выступает в виде самостоятельной социально-политической категории.

Прямо противоположную позицию занимают в этом вопросе оппозиционные авторы. Король и нация для них — категории несовпадающие. Памфлеты этого лагеря фактически не содержат в себе связного определения понятия «нация». Однако характер употребления этого термина, комплекс приписываемых нации прав и свобод, ряд других косвенных признаков дают основание предположить, что под нацией противники реформы подразумевали лишь ту часть общества, которая традиционно обладала определенными политическими правами: нация «всегда принимала участие в управлении государством»³⁹, «участвовала в выработке законов»⁴⁰, «созывала самое себя»⁴¹, т. е. Генеральные штаты. Одновременно встречаются упоминания о том, что нация состоит из трех сословий (Etats), что теперь, после предпринятой Мопу реформы, вся нация «пробудилась» и «все сословия граждан» должны единодушно выступить на защиту своих поправленных прав, объединившись вокруг принцев и пэров⁴². Нацию, таким образом, составляют дворянство и духовенство в сочетании

³⁴ Maureouana, ou Correspondance..., pt 2, p. 19.

³⁵ Tableau des différents âges...— Les efforts, t. 2, p. 78 (Б-ка ИНИОН, JC 179).

³⁶ Об этой стороне парламентской идеологии см.: *Acomb F.* Anglophobia in France (1763—1789). Durham, 1950.

³⁷ Lettres américaines sur les parlements. P., 1771, p. 19.

³⁸ Lettre de M. de C** à M. de St**** à Rouen, p. 16.

³⁹ Principes de la législation française, p. 68.

⁴⁰ Tableau des différents âges...— Les efforts, t. 2, p. 56 (Б-ка ИНИОН, JC 179).

⁴¹ Manifeste aux Normands.— Les efforts, t. 4, p. 201 (ГБЛ).

⁴² Lettres d'un homme...— Affaires, t. 2, N 2, p. 54.

с политически активной верхушкой третьего сословия. Весьма характерно при этом, что, за редкими исключениями ⁴³, понятия «нация» и «народ» (peuple) в пропарламентской публицистике никак не связаны между собой. Комплекс политических прав и свобод, приписываемых нации, на народ не распространяется. Более того, во многих брошюрах сквозит неприкрытая тревога, что все эти дискуссии о характере королевской власти и ее пределах неправильным образом действуют на народ, вызовут и даже уже вызвали опасное «смятение умов» ⁴⁴, которое может привести к самым гибельным последствиям. В этом вопросе публицисты обеих сторон обретают удивительное единодушие. В одном из проправительственных памфлетов, к примеру, спрашивается: «Не должны ли были сами принцы трепетать, подписывая протест — публичный кодекс бунта и образец непослушания для народа?» ⁴⁵.

Для оппозиционных публицистов основой взаимоотношений короля и нации является договор, из условий которого вытекает, что монарх — практически лишь исполнитель воли нации. Нация по своей природе выше короля и обладает суверенной властью. Этот договор выступает как акт, заключающийся основы определенной общественно-политической системы, посредством которой реально осуществляются исконно присущие нации права и свободы. К комплексу этих прав (часто трактуемых как «естественные права») относятся жизнь, честь, свобода и собственность, которые монарх обязан защищать и оберегать. Чаще всего носителем этих прав является нация в целом, хотя иногда они приписываются каждому из составляющих ее индивидов. «Все граждане имеют право на личную безопасность, свободу, сохранность своей собственности, и именно для лучшего обеспечения этих прав люди объединились в общество» ⁴⁶. В целом, однако, традиционный взгляд на нацию как на недифференцированное образование, своего рода корпорацию, идущий еще от средних веков, преобладал в пропарламентской публицистике. Осуществление изначальных прав происходит через периодические собрания нации или ее представителей, путем издания позитивных законов и контроля над их исполнением. Эти функции приобретают значение неотъемлемых прав нации и перечисляются наравне с ее «естественными правами»: «право нации на участие совместно с сувереном в создании законодательства бесспорно и неотчуждаемо, оно не даровано королями, а исконно присуще нации...» ⁴⁷, «нация должна принимать участие в политическом управлении государством» ⁴⁸.

Наконец, нация обладает также определенным комплексом прав, вытекающих из договора с избранным ею монархом. По условиям этого контракта, единожды заключенного и не подлежащего периодическому возобновлению, нация вручает королю исполнительную власть (а по мнению некоторых авторов, и определенную часть законодательных функций), сохраняя за собой право контроля за деятельностью монарха. Нерушимость этого договора обеспечивается сохранением за нацией права на сопротивление правителю в случае нарушения им условий контракта. В этой ситуации нация не только может, но и должна порвать уже фактически расторгнутый монархом договор. Сопротивление «узурпатору священных прав нации» представляется гражданским долгом, проявлением любви к родине. «Иногда рабы, смирявшиеся со своим положением, не менее виновны, чем сам тиран» ⁴⁹.

⁴³ Понятия «нация» и «народ» выступают как синонимы только в двух памфлетах: «Inauguration de Pharamond»; «Lettre à M. le Comte de *** Ancien Capitaine au Régiment D***». — Les efforts, t. 4, t. 5 (ГБЛ).

⁴⁴ Vues pacifiques. — Affaires, t. 2, N 5, p. 1.

⁴⁵ Observations sur l'écrit... — Recueil de toutes les pièces, t. 2, p. 298.

⁴⁶ L'avocat national. — Les efforts, t. 5, p. 6 (ГБЛ).

⁴⁷ Tableau des différents âges... — Les efforts, t. 2, p. 71 (Б-ка ИНИОН, JC 179).

⁴⁸ Principes de la législation française, p. 1.

⁴⁹ Manifeste aux Bretons. — Les efforts, t. 5, p. 290 (ГБЛ).

В значительной своей части памфлетная война начала 70-х годов XVIII в. предстает не просто как политический спор, но как теоретическая дискуссия. Обосновывая свои политические требования, представители противоборствующих лагерей прибегают к широкому набору разноплановых аргументов. При этом аргументация, используемая для защиты противоположных политических принципов, мало зависит от политических симпатий авторов и сводится, как правило, к комплексу общих для обеих сторон теоретических положений. Эти положения с точки зрения их содержания и идеальных истоков отчетливо подразделяются на ряд категорий.

Первую категорию составляют аргументы, связанные с признанием божественного происхождения определенных институтов, тех или иных форм государственного и общественного устройства. Вторая группа аргументов — условно ее можно назвать историко-традиционалистской — имеет в основе ту или иную трактовку «конституции» государства, обращение к авторитету которой обычно подкрепляется многочисленными ссылками на исторические прецеденты. Отличительной чертой третьей категории является признание договорного и естественно-правового происхождения власти, прав, свобод и привилегий. Характерно, однако, что договорное и естественно-правовое начала выступают как не связанные друг с другом элементы этого типа аргументации. Их взаимосвязь лишь намечается в отдельных памфлетах парламентского лагеря. Наконец, четвертая группа аргументов отражает процесс освоения социально-политическим мышлением образованных слоев французского общества рационалистических философских доктрин XVIII в. и представляет собой применение ряда содержащихся в них теоретических положений к анализу конкретных политических и государственных институтов. Практически ни один из авторов памфлетов не строит обоснование выдвигаемых им тезисов на использовании какого-либо одного типа аргументации. В реальной полемике аргументы переплетаются в различных, порою довольно замысловатых сочетаниях, при анализе их характера выявляются, однако, некоторые закономерности.

Защитникам реформы одно лишь божественное происхождение королевской власти представляется явно недостаточным для обоснования своей позиции. Этот аргумент является основным всего лишь в одном произведении — в уже упомянутых «Размышлениях парикмахера о делах государства». Но и здесь утверждение, что власть королю дана от бога, подкрепляется апелляцией к исторической традиции: безграничная власть принадлежит французскому монарху якобы по праву завоевателя (имеется в виду покорение галлов франками)⁵⁰.

Подавляющее большинство аргументов публицистов этого лагеря принадлежит к категории историко-традиционалистских, а среди них, в свою очередь, центральное место занимает обращение к «фундаментальным законам». К этим законам, никогда не получавшим систематизированного письменного закрепления, один из памфлетистов отнес неделимость королевской власти и ее божественный характер; полную и абсолютную власть монарха; неотчуждаемость королевского домена; монархическую форму правления; салический закон (о порядке наследования трона)⁵¹.

В подтверждение своих взглядов проправительственные публицисты, помимо апелляции к «фундаментальным законам», часто ссылаются на исторические прецеденты. Вкратце их исторические доводы можно резюмировать следующим образом. Королевская власть носит абсолютный характер еще со времен франкского завоевания. Древние ассамблеи при династии Меровингов никогда реально эту власть не ограничивали, никакой преемственности между ними и Генеральными штатами, а тем более — парламентами не существовало. Сами Генеральные штаты играли при мо-

⁵⁰ Reflexions d'un maître perruquier — Affaires, t 4, N 16, p 3

⁵¹ La tete leur tourne — Recueil de toutes les pieces, t 2, p 125—126

нархе лишь совещательную роль. Что касается статуса Парижского парламента, то это исключительно юридический орган, созданный при Филиппе IV Красивом на основе четырех судебных округов — бальяжей. Он всегда зависел от монарха, который даровал ему право регистрации эдиктов и право подачи ремонстраций. Парламенты создавались королем в разное время и на разных территориях, следовательно, исповедуемая магистратами доктрина «единого и неделимого парламента» не имеет под собой реальных оснований.

Подобный комплекс исторических аргументов с некоторыми вариациями присутствует почти в любом проправительственном памфлете, сопровождаясь нередко подборкой подлинных исторических документов. Степень насыщенности историческими изысканиями варьируется от краткого перечня дат и событий до многотомных и многословных рассуждений на исторические темы.

Таким образом, доводы историко-традиционалистского типа и по объему и по значимости являются для защитников реформы преобладающими. Лишь один раз они встречаются в сочетании с признанием договорного начала: «Нация передала все свои права и интересы монарху, который стал ее единственным представителем»⁵², но этот «национальный договор» (*contrat national*) в данном контексте практически отождествляется с «фундаментальными законами».

Обращение к элементам рационалистических, философских доктрин, само по себе довольно редкое, почти всегда сочетается с теми же историко-традиционалистскими построениями, более того, им подчинено. Чаще всего проправительственные публицисты открыто апеллируют к авторитету Монтезкье, ссылаясь на его теорию разделения властей, а также на рассуждения о различных образах правления и о сущности и признаках монархии⁵³. Один раз приводится его утверждение об определяющем влиянии климата на характер политического строя⁵⁴. В ряде памфлетов этого лагеря, в том числе приписываемых Вольтеру, есть тенденция к оправданию судебных преобразований, осуществленных Мопу, при помощи некоторых доводов рационалистического характера. Новая судебная система признается более разумной, более соответствующей народным нуждам.

В пропарламентской публицистике также присутствуют аргументы всех названных типов, но как количественное соотношение между ними, так и характер их сочетаний несколько иные. Как и в памфлетах защитников реформы, апелляция к божественному началу занимает здесь ничтожно мало места, однако сочетается она не с историко-традиционалистскими аргументами, а с договорно-правовыми. Признание божественного характера королевской власти имеет место всего лишь в двух памфлетах, и оба раза авторами подчеркивается двойственность ее происхождения. Она носит прежде всего договорный характер, монарх получает власть «по единодушному желанию народа», а бог лишь освящает этот договор⁵⁵. «Было бы безумием считать, что бог сам выбрал для французского трона Людовика XV... В действительности бог, определяя общий ход событий, помог Людовику XV родиться именно в той семье, на которой нация остановила в свое время выбор...»⁵⁶

Как и в памфлетах проправительственного лагеря, практически в каждом произведении оппозиции в том или ином объеме содержится апелляция к «фундаментальным законам», «принципам конституции», историческим прецедентам. Характерно, что парламентские теоретики, понимая шаткость своих позиций в вопросе о «фундаментальных законах», как в ходе памфлетной войны, так и вплоть до самого кануна революции избе-

⁵² Lettre de M. de C** à M. de St**** à Rouen, p. 22—23.

⁵³ Ibid., p. 42; Raisons pour désirer une réforme... Lettre du public.; Réflexions d'un citoyen. — Recueil de toutes les pièces, t. 2, p. 20; 58—60, 257, 264.

⁵⁴ Extrait d'une lettre... — Recueil de toutes les pièces, t. 2, p. 55.

⁵⁵ Inauguration de Pharamond. — Les efforts, t. 5, p. 217 (ГБЛ).

⁵⁶ Le Parlement justifié par l'impératrice de Russie. — Les efforts, t. 1, p. 123 (ИМЛ).

гают ясного определения их содержания. По тем несколько туманным и отрывочным данным, которые есть в памфлетах начала 70-х годов, можно заметить, что часто «фундаментальные законы» связывались оппозицией с договорным и естественно-правовым принципами. В одном произведении эти законы трактуются как «основной договорный акт между сувереном и народом»⁵⁷. Здесь же указывается, что к «фундаментальным законам» относятся и те, которые «сохраняют нации ее законодательную власть» и гарантируют подданным их естественные права на жизнь, честь, свободу и собственность. В то же время в ряде памфлетов утверждается, что и право парламентов на регистрацию документов и подачу ремонстраций, и несменяемость должностей в них также являются неотъемлемой частью конституции государства и важнейшим «фундаментальным законом»⁵⁸.

Исторические аргументы оппозиционных публицистов сводятся к тому, что французский король получил власть не путем завоевания, а путем свободного избрания и что власть эта всегда носила ограниченный характер. Еще древнегерманские ассамблеи (Champs de Mars) принимали активное участие в политическом управлении страной, и эта традиция была унаследована от Меровингов Каролингами и Капетингами. Одни авторы при этом подчеркивают, что власть короля была всегда ограничена правами и свободами всей нации⁵⁹, а другие, говоря о пределах королевской власти, проводят сложное сравнение парламентов XVIII в. с древнегерманскими ассамблеями, трансформировавшимися в Королевский совет, и утверждают, что именно парламенты, чья сущность не изменилась на протяжении веков, были и остаются главными носителями этих прав⁶⁰. В ряде брошюр парламенты именуется Генеральными штатами «в миниатюре» и соответственно наделяются всеми правами и полномочиями этого органа сословного представительства, это относится к тем периодам, когда он не собирается. Но данная линия сравнения наблюдается нечасто, а лозунг созыва Генеральных штатов присутствует лишь у очень немногих оппозиционных публицистов.

Как уже было отмечено, не последнее место в системе аргументации пропарламентских публицистов занимают договорный и естественно-правовой принципы. Во многих памфлетах присутствует идея договорного происхождения королевской власти. Король рождается «подданным и гражданином», и по воле нации, которой исконно принадлежит законодательная власть, он вступает на трон⁶¹. Монарх должен охранять «естественные права граждан», поддерживать законы, защищать родину. Он не может предпринимать ничего, что бы «противоречило природе и естественным законам», власть его «естественно ограничена». Трактовка «естественных законов» подчас носит довольно специфический характер. В ряде случаев, говоря с возмущением о покушении монарха на «естественное право собственности», памфлетисты осуждают незаконную, по их мнению, конфискацию парламентских должностей. К «естественному праву» приравнивается и их несменяемый характер. Декларативное заявление, что «естественные законы запрещают выносить приговор, не выслушав обвиняемого»⁶², призвано осудить действия правительства, не пожелавшего ознакомиться с возражениями парламентов.

Своеобразно используются договорный и естественно-правовой принципы в памфлетах, где речь идет о защите провинциальных вольностей и привилегий. Присоединение некоторых провинций к Франции сопровождалось принятием специальных «хартий», которые якобы выступают и как особый договор, и как традиционная «конституция». После фактического

⁵⁷ *Tableau des différents âges*. — *Les efforts*, t. 2, p. 75 (ИНИОН, JC 179)

⁵⁸ *Protestation des Princes*. — *Affaires*, t. 1, N 6, p. 2

⁵⁹ *Principes de la législation française*; *Inauguration de Pharamond*. — *Les efforts*, t. 4 (ГБЛ)

⁶⁰ *Tableau des différents âges* — *Les efforts*, t. 2 (ИНИОН, JC 179)

⁶¹ *Remontrances de la Basoche*. S. l., s. a., p. 203 (в сборнике брошюр без титульного листа, ИМЛ)

⁶² *Réflexions, succinctes* — *Affaires*, t. 1, N 2, p. 20

нарушения условий договора в ходе реформы Мопу провинции со своей стороны могут считать их недействительными. «Мы имеем теперь право вновь присоединиться к Англии или избрать себе другую родину»,— говорится в «Манифесте к жителям Нормандии»⁶³.

Степень усвоения представителями оппозиционного лагеря принципов рационалистической философии в целом несколько выше, чем в стане защитников реформы. Пропарламентские публицисты, так же как и проправительственные, обращаются к авторитету Монтескьё, ссылаясь на его рассуждения о различных образах правления и о сущности и признаках монархии, на отдельные высказывания о роли парламента и некоторые другие положения «Духа законов». Что касается призвания необходимости для нации иметь представительный орган, то эта идея могла быть заимствована как из рассуждений того же Монтескьё об английском государственном строе, так и у представителей более радикального крыла французского Просвещения.

Интересно отметить относительно высокую степень восприимчивости оппозиции к просветительской лексике. В пропарламентских памфлетах используются такие термины и словосочетания, как «патриот и патриотизм», «разум», «свет», «избрание», «свободные и мыслящие люди», «представители нации», «голос и требование нации», «от имени нации», «пробудившаяся нация», «общественный договор», «естественные права личности», «права граждан», «гражданский долг», «всеобщая польза».

Анализ аргументации, используемой проправительственной и пропарламентской публицистикой, выявляет сходство теоретических основ политической идеологии противоборствующих лагерей. Однако компоненты этого теоретического арсенала в построениях представителей обеих сторон имеют неодинаковый удельный вес, часто наполняются различным политическим содержанием и выступают в разнообразных сочетаниях.

Политическое мышление приверженцев правительства и сторонников оппозиции является в значительной степени секуляризованным. Идея бога как первоосновы политических отношений и связей в обществе практически полностью замещается иными факторами, среди которых ведущую роль играют «фундаментальные законы», освященные временем и подтвержденные многочисленными историческими прецедентами. Другими словами, конституционно-юридический компонент является основным в политическом мышлении как пропарламентских, так и проправительственных публицистов и подчиняет себе все остальные теоретические построения, выступая к тому же в качестве главного метода оформления конкретных политических требований. Этот компонент почти в равной степени дополняется у обеих сторон рационалистическими по своей природе положениями, заимствованными главным образом у Монтескьё, что можно оценить как интеграцию идей Просвещения в противостоящие друг другу политические доктрины. Хотя в пропарламентской публицистике в отличие от проправительственной значительное место занимает идея договора и естественных прав, она дается не столько в просветительской трактовке, сколько в формулировках, характерных для представителей так называемой естественно-правовой школы XVI—XVII вв. (Боден, Гроций, Спиноза, Гоббс). При этом естественно-правовой и договорный принципы тесно увязываются пропарламентскими авторами со все той же идеей «фундаментальных законов» и с историческими прецедентами.

* * *

Проведенное исследование позволяет со всей очевидностью утверждать, что борьба вокруг судебной реформы Мопу была, по сути дела, идейно-политическим конфликтом. В памфлетной войне отчетливо прослеживается столкновение абсолютистской и антиабсолютистской доктрин. При этом в абсолютистской доктрине, отстаиваемой публицистами правительственного

⁶³ Manifeste aux Normands.— Les efforts, t. 5, p. 190 (ГБЛ).

лагеря, обнаруживается ряд существенных новых черт Лозунг полной и абсолютной власти короля, как и традиционное его обоснование ссылкой на «божественное право» монарха, почти не встречается на страницах памфлетов. Идея королевского единовластия обосновывается иными теоретическими выкладками, сходными по содержанию с теми, которые использует оппозиция

Оппозиционная публицистика со всей определенностью формулирует требование ограниченной монархии Правда, парламенты в политическом плане не шли дальше требования ограничения монархии привилегированной олигархической кастой, что было, по словам К Маркса и Ф Энгельса, «лишь упорным, приукрашенным либеральными фразами отстаиванием своих *цеховых интересов*»⁶⁴ Под видом требования ограничения королевской власти представительством нации скрывалась претензия на исполнение этой функции привилегированными судебными палатами, прерогатива которых даже не была связана с принципом выборности.

Несмотря на остроту политического противоборства, в приемах и способах аргументации публицистов обоих лагерей не наблюдается особого антагонизма Это, в частности, подтверждается характером проникновения в их политическую идеологию просветительских идеи, которое в целом не шло пока дальше восприятия наследия Монтескье — одного из наиболее умеренных представителей Просвещения Договорный же и естественно-правовой принципы, которые парламентские авторы довольно широко использовали для оформления своих политических требований, заимствовались ими не у Руссо, с его последовательным демократизмом, а у мыслителей XVI—XVII вв

Возникновение вокруг реформы, направленной против парламентов, необычно острой политической полемики свидетельствует об изменении роли и места этих корпораций в общественно политической жизни Франции Во второй половине XVIII в в стране создавалась такая ситуация, при которой оппозиционные настроения широких социальных слоев выражались главным образом через поддержку ими парламентской оппозиции В свою очередь, структура и характер функционирования парламентов, их права и прерогативы в отсутствие в стране Генеральных штатов или других представительных учреждений — все это превращало их в серьезную политическую силу, делало единственным легальным институтом, который мог послужить рупором для выражения недовольства различных социальных слоев. Не случайно комплекс политических вопросов, который был затронут в ходе памфлетной войны вокруг реформы Мопу, выходит за рамки защиты только парламентских прав и прерогатив Широко дискутируется вопрос о правах и свободах нации, о представительных учреждениях Такое расширение круга обсуждаемых проблем является, видимо, косвенным отражением постепенного усиления политической активности новых социальных сил

Против реформы выступила довольно широкая и разнообразная по составу коалиция, хотя, по видимому, было бы преувеличением квалифицировать ее как всеобъемлющую, общенациональную оппозицию В то же время лагерь сторонников реформы был крайне немногочисленным и включал почти исключительно представителей абсолютистской администрации Все это приводит к выводу, что к 70-м годам XVIII в французский абсолютизм оказался в значительной степени в политической и социальной изоляции

Конфликт между парламентами и правительством вокруг реформы Мопу представлял собой столкновение двух элементов абсолютистской государственной машины Фактически этот конфликт стал одним из проявлений «кризиса верхов», который в начале 70 х годов XVIII в, в условиях, когда еще не сложилась революционная ситуация, был временно разрешен относительно мирным путем Объективная политическая роль парламентов на данном этапе отличалась известной двойственностью С одной

⁶⁴ Маркс К Энгельс Ф Соч 2 е изд, т 6, с 149

стороны, они были инициаторами политической борьбы с абсолютизмом, втягивали в эту борьбу широкие слои населения, выступали лидером складывающейся антиабсолютистской коалиции. Парламенты существенным образом способствовали непосредственному политическому образованию и просвещению масс, вынося на суд широкой аудитории ряд острых вопросов государственного и общественного устройства. «Именно парламент, более чем какой-либо другой орган власти, втягивал парижский народ в политическую жизнь и давал ему политические уроки, которые он позже, в 1789 г., использовал против своих учителей», — замечает по этому поводу английский историк-марксист Дж. Рюде⁶⁵.

С другой стороны, та позитивная политическая программа, которая скрывалась за лозунгами и требованиями парламентской оппозиции, не представляла собой реальной, имеющей перспективу альтернативы абсолютистскому режиму в условиях Франции 70-х годов XVIII в., когда стране меньше двух десятков лет отделяло от начала Великой буржуазной революции. Именно по этой причине парламентская оппозиция оказалась в конечном счете «тупиковой ветвью» антиабсолютистской борьбы, и не случайно в 1789 г. парламенты почти мгновенно сошли с исторической сцены, погибнув вместе с абсолютизмом.

И.Берго. Парламентская оппозиция абсолютизму

и попытки реформ в 1749—1776 года

http://enlightment2005.narod.ru/papers/bergo_parlm2.pdf

И.Берго. Парламенты и политическая борьба во Франции накануне Великой французской революции

http://enlightment2005.narod.ru/papers/bergo_parlm.pdf

Агония французского абсолютизма

/ В коллективной монографии «Французское Просвещение и Революция». Ч. 1, «Эпоха и Люди». Глава 1

<http://enlightment2005.narod.ru/papers/fr-absol.pdf>

Л.Пименова. Дворянство накануне Великой французской революции

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p103696073.htm>

Л.Пименова. О некоторых особенностях дворянского сознания на исходе "века Просвещения"

<http://enlightment2005.narod.ru/arc/lpimen.pdf>

Л.Пименова. Просвещение и «дворянский расизм»:

особенности идеологии и культуры франц. дворянства XVIII в.

<http://enlightment2005.narod.ru/papers/lpimen3.pdf>

Е.Лебедева. Дворянство и налоговые привилегии накануне революции

<http://enlightment2005.narod.ru/papers/lebedeva1.pdf>

⁶⁵ Рюде Дж. Народные низы в истории 1730—1848. М., 1984, с. 67.